

туры»,¹⁰ как и у Кушелева, среди других апокрифических сочинений. В предисловии к этому изданию Н. Тихонравов указывает на распространенность этого памятника на Руси в «нескольких, не зависимых друг от друга редакциях».¹¹ Русское «Хождение богородицы по мукам» в сборнике Тихонравова удерживает мотив страдания грешников в огненной реке, о которых «забывает бог».¹²

Наконец, одна из редакций апокрifa была дважды опубликована И. И. Срезневским: один раз в «Известиях императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности»,¹³ другой — в «Древних памятниках русского письма и языка (X—XIV веков)».¹⁴ Публикации Срезневского интересны прежде всего тем, что русский текст «Хождения» здесь дается параллельно с греческим текстом (вспомним слова Ивана: «конечно, с греческого»). В списке Срезневского (вообще несколько поврежденном: есть пропуски) тоже говорится об огненной реке и тьме крошечной, в которой «затворены» некоторые грешники, и, так же как и в других редакциях, «рече Михаил к богородице: аще ся кто затворит в тьмѣ сеи, нѣсть памяти о нем от бога».¹⁵

Трудно сказать, какая из перечисленных публикаций имелась в виду Достоевским, когда он вводил этот апокриф в свой роман. Не исключено, что все они, или почти все, были ему известны.

Чтобы покончить с кругом сведений относительно публикации «Хождения богородицы по мукам», приведу одну, как мне кажется любопытную, параллель. В статье Ф. И. Буслаева «Русская поэзия XVII века», где текст «Хождения» приведен по болгарскому источнику, об этом апокрифе говорится: «Как ни баснословны подробности этого сказания, нельзя, однако, с точки зрения поэтической, безусловно отвергать его значение в нравственном развитии масс народа. В отношении поэтическом оно заменяло им то, что итальянцам дал великий флорентинец в своей „Божественной Комедии“. Было бы смешно предположить, чтоб кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать эти два поэтические произведения; но никто не может отрицать, что оба они одинаково могли действовать на фантазию наивной эпохи... На стороне Данта остается только то, что приобретено было Западом еще в XIII веке и чего у нас не доставало даже в начале XVIII-го, то есть общечеловеческое просвещение, воспитанное веками и получившее в поэме Данта высокохудожественную форму».¹⁶

Упоминание Данте в связи с «Хождением богородицы по мукам» и тот контекст, который его окружает, характерны, и явная (полемиическая) перекличка слов Ивана на этот счет в его «литературном предисловии» со словами Буслаева представляется не случайной. Поздней мысль Буслаева почти дословно повторил Сахаров, подчеркнув широкое распространение и популярность этого апокрifa: «Было бы смешно предположить, чтобы

¹⁰ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. II. М., 1863, стр. 23—39. Текст памятника публикуется здесь по пергаменной рукописи XII в. Троице-Сергиевой лавры, № 12, лл. 30—38, и сербской рукописи XV в., принадлежавшей проф. Б. И. Григоровичу, лл. 20—32 об.

¹¹ Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы, т. I. М., 1862, стр. X.

¹² Там же, т. II, стр. 27.

¹³ ИпоРЯС, т. X, СПб., 1861—1863, стр. 551—578.

¹⁴ И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863, стр. 204—217.

¹⁵ Там же, стр. 213.

¹⁶ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 496.